

Глава 4 - Я умру

«...»

Тамон изо всех сил старался не показывать своих эмоций, но он также был искусным переговорщиком.

Он уже заметил волнение императрицы, хотя она хорошо это скрывала. Она изменила свой голос на гораздо более дружелюбный, чем раньше.

«Я дам вам все, что там есть. Вместо этого... дайте мне свои красные коконы.»

Вся ситуация сразу изменилась.

Она усмехнулась и вытащила лучший шелк, получив исключительные права на торговлю красными коконами, выращенными только в Аморе.

Вместо этого она могла бы забрать все с места кораблекрушения...

Эта женщина, императрица Танатоса, была таким раздражающим и трудным человеком.

Став императрицей, она пользовалась властью так, как считала нужным, и методично действовала на дипломатическом фронте на каждом шагу.

Но, с другой стороны, он восхищался ее смелостью, решимостью и изящной тактикой.

Она никогда не повышала голоса. Иначе говоря, она ни разу не выказала признаков волнения или паники.

И она никогда не давила на более слабые нации тем, что у нее было.

Она даже не потрудилась заставить противника почувствовать себя неловко своим неумелым смехом.

Какая древняя и благородная тактика.

Но император этой страны пытался избавиться от такой женщины.

Тамон пристально посмотрел на императора, который сидел на верхнем кресле, затем посмотрел на императрицу взглядом, полным насмешки.

«Идиот».

Глаза Ронассо расширились от удивления, когда Тамон выругался.

«Я...?»

«Не ты, Ронассо».

Тамон отвернул лицо, когда Ронассо приблизился к нему.

Он не мог понять, почему, по слухам, император загадал такое желание Богу.

Император, который даже не знал, что за драгоценность у него была, глупый, прогневший насквозь...

Монарх.

Эта страна так хорошо сохранила свою былую славу. Именно эта женщина поддерживала эту славу, а теперь ее муж пытался ее разрушить.

Это было так, как будто он завидовал своему же драгоценному камню.

Он был жалок.

Для него было еще более унижительно и неприятно иметь дело с таким человеком.

Это того не стоило, да и не было весело.

Ронассо заметил, куда устремился взгляд Тамона, когда тот зарычал. Глядя на императрицу, Ронассо прищелкнул языком.

«Кстати, императрица действительно потрясающая. Учитывая все, что происходит с ее семьей, она выглядит прекрасно. Никогда не думал, что она появится с таким спокойным лицом».

Несколько часов назад брата императрицы посадили в подземную тюрьму за государственную измену.

Эта история была тайно рассказана Гичи, единственным оставшимся шпионом в этом императорском дворце.

Было семь наложниц, которых Тамон посадил в Императорском дворце Танатоса. Однако шестеро из них были пойманы императрицей и изгнаны.

'Это просто удивительно'.

Все они были людьми, которые родились и выросли в этой стране и более десяти лет изучали Танатос.

Однако они не могли продержаться и года и исчезли в глазах императрицы.

Большинство из них, вероятно, были мертвы. Эта бескровная, суровая женщина никогда не позволила бы жить шпиону, проникшему в ее страну.

Это не имело значения.

Он также никогда не испытывал жалости к людям, которые пытались забрать то, что принадлежало ему...

Когда вы хотите что-то, что принадлежит кому-то другому, вы должны быть готовы рискнуть этим.

Даже смертью, конечно.

Во дворце Наташи были найдены доказательства измены графа Кейнли, в результате чего он был заключен в тюрьму.

Это были лишь слова, но Тамону этого было достаточно, чтобы понять ситуацию.

Наташа, любимая наложница императора, хитрая женщина, должно быть, проникла и подставила графа Кейнли.

Фабриковать улики, было проще, чем перевернуть ладонь, проблема заключалась в создании косвенных улик...

Но как граф Кейнли входил и выходил из дворца Наташи?

Праведный граф Кейнли никогда бы не попал в ловушку Наташи, но это было странно.

«Она, вероятно, не сомкнула глаз всю ночь, но выражение ее лица ничуть не изменилось. Я бы сказал, что она более толстокожая, чем вы», - раздраженно изумился Ронассо.

Тамон приподнял одну бровь в гримасе, но Ронассо, его лучший друг двадцати лет, был не из тех, кто его боится.

«Что? Я сказал что-то не так? Разве не вы усадили аристократа, который лишил Дали власти за столом переговоров и заставил его извиниться несколько лет назад? И разве не вы хотели выжать из него все ценное?»

«Нелепо».

«Выдающийся сдвиг в отношении, охватывающий вчерашних врагов как сегодняшних друзей. О, и разве вы однажды тайно не пригласили леди Макбиртер на званый ужин в прошлом году? Вы такая хитрая лисица.»

С такой скоростью история прошлого начнет всплывать одна за другой, подумал Тамон, пиная Ронассо в голень.

«Агх!»

«Заткнись и дай мне то, что у тебя есть».

Тамон пытался вести себя как аристократ, но с Ронассо было трудно иметь дело. Всего несколько лет назад он был великим полководцем, каждый день бегающим по полям сражений.

Он был гладиатором, фехтовальщиком, лучником и кавалеристом.

Одним словом, он был солдатом, который был хорош во всем.

Такой удар Тамона был все равно что удар молотком. Однако Ронассо не мог показать своего болезненного выражения лица, потому что, в конце концов, он был рыцарем-командиром.

«Судя по удару, ваша отставка, должно быть, была обманом».

«Ронассо».

«Хорошо, хорошо».

Ронассо надул свои толстые губы и передал информацию, которую он получил, бродя, как тень, по двору ранее.

«Император и Наташа тайно о чем-то говорили. Я мог видеть намек на нервозность, когда они о чем-то шептались. Императорский дворец, белое платье, последнее... Похоже, они что-то планировали... Войска, ожидающие за большим бальным залом, также необычны».

«А что насчет... особняка Сансет?»

«Герцог Сансет и его дети сразу исчезли. Может быть, поэтому императрица и вышла. Нам нечего сказать о местонахождении членов ее семьи».

Император и императрица разговаривали друг с другом, не глядя друг другу в глаза.

Молодой император со светлыми волосами цвета меда повернул голову и пристально посмотрел на императрицу, которая смотрела прямо перед собой.

Его объективно хвалили как прекрасного императора, но в глазах Тамона лицо императора теперь выглядело не более чем уродливым картофелем.

Каким жалким он выглядел, когда не мог сразу убить императрицу и вел себя нормально с покрасневшим лицом.

По сравнению с ним императрица сидела спокойно, устанавливая зрительный контакт с благородными гостями по одному, глядя им в глаза.

Это была сцена, которая заставляла думать, что император был тем, кого застали врасплох прошлой ночью.

«Разве это не странно?»

«Что?»

«Императрица теперь полностью изолирована».

Ронассо говорил довольно проникновенным и страстным тоном, как будто смотрел интересную пьесу.

«За всю ее жизнь, полную верности и привязанности!»

Тамон не ответил Ронассо, который разговаривал и хихикал.

Изоляция.

Верно. Она была изолирована.

Но почему этот факт был таким ненадежным?

'Да, это не имеет ко мне никакого отношения', - цинично подумал Тамон и налил себе стакан холодного вина.

Он даже рискнул и сделал предупреждение, но она его не послушала.

Поэтому не имело значения, была ли императрица этой страны предана, казнена или сослана.

На самом деле, чем больше беспокоилась императорская семья Танатоса, тем лучше было для страны Амор, которая находилась в состоянии скрытой вражды, поскольку в этом разрыве можно было извлечь выгоду.

Как здорово было бы сидеть в стороне и наслаждаться преимуществами, в то время как другие сражались друг против друга.

Потому что нажива, которая выйдет, если он откусит хотя бы кусочек от этой процветающей страны, будет существенной.

Это было невообразимо еще несколько месяцев назад, но все происходило прямо у него на глазах, больше, чем любой другой инцидент.

Глаза Тамона были прикованы к ледяному кукольному профилю императрицы.

Ронассо заерзал, предвещая конец этого спектакля.

«Я могу вас заверить. Возможно, императрица...»

В этот момент взгляды Розалин и Тамона переплелись.

Его красные глаза, которые были горячими, как огонь, и ее фиолетовые глаза, которые были темными, как лед глубокого моря, никто, казалось, ничего не мог сказать и медленно отошел.

В том-то и дело...

Ему захотелось пить.

Его тело стало горячим.

Несмотря на то, что их взгляды только встретились, казалось, что что-то в ней и в нем было тайно смешано.

Сбивающее с толку горячее тепло разлилось по его твердой нижней части тела.

Жажда была такой сильной, что немедленно обожгла ему горло.

Как будто он проглотил что-то, чего не должен был проглатывать.

«Я не переживу это, я умру».

<http://tl.rulate.ru/book/59752/1554571>